

Торопова Людмила Александровна

К ПРОБЛЕМАМ "ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСОЗНАНИЯ" "ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВОЛИ" ДОСТОЕВСКОГО И ПРУСТА, ИЛИ КТО АВТОР "ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ" И КАК ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС СВЯЗАН С ПАЛИМПСЕСТОМ

В статье постулируется родовое отличие исследований поэтики от мировоззренческих и общегуманитарных интерпретаций произведений художественной литературы, цитируются и анализируются примеры в подтверждение этого постулата, выявляются симптомы разобщенности литературоведения и лингвистики и признаки их вовлечения в обслуживание нужд искусственного интеллекта, рассматривается соотношение находящихся в самом активном научном обороте понятий "дискурс", "палимпсест", "текст", предлагаются основы для решения обозначенных проблем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 172-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8

Филологические науки

В статье постулируется родовое отличие исследований поэтики от мировоззренческих и общегуманитарных интерпретаций произведений художественной литературы, цитируются и анализируются примеры в подтверждение этого постулата, выявляются симптомы разобщенности литературоведения и лингвистики и признаки их вовлечения в обслуживание нужд искусственного интеллекта, рассматривается соотношение находящихся в самом активном научном обороте понятий «дискурс», «палимпсест», «текст», предлагаются основы для решения обозначенных проблем.

Ключевые слова и фразы: поэтика; мировоззренческие и общегуманитарные интерпретации произведений художественной литературы; метафора палимпсеста и дискурс; человеческое мышление и искусственный интеллект; субъект вербального мышления и его дискурс; субъект художественного мышления вербального типа и его дискурс; дискурс, художественный дискурс и текст.

Торопова Людмила Александровна

Костромская область

l.a.toropova@mail.ru

**К ПРОБЛЕМАМ «ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСОЗНАНИЯ» «ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВОЛИ»
ДОСТОЕВСКОГО И ПРУСТА, ИЛИ КТО АВТОР «ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»
И КАК ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС СВЯЗАН С ПАЛИМПСЕСТОМ[©]**

Мы считаем остро актуальными вопросы, сформулированные в названии данной статьи. На фундаментальную значимость исходного вопроса впервые прямо указал М. М. Бахтин, усмотревший реальные «проблемы поэтики Достоевского» в том, что «сознание критиков и исследователей... поработает идеология героев Достоевского», тогда как «художественная воля писателя не достигает отчетливого теоретического осознания» [2, с. 52]. Но и по сей день теоретическому освоению той области человеческой деятельности, к которой относится «художественная воля писателя» Достоевского, по-прежнему и по нарастающей препятствуют:

1) необоснованное отождествление художественного мышления вербального типа и обычного вербального мышления, из чего, вопреки реалиям, следует, что всякому субъекту обычного вербального мышления присуща способность художественного мышления вербального типа;

2) действующие риски биографического метода;

3) дефицит взаимосвязанных и общепризнанных определений для базовых филологических понятий.

Усугублявшееся в силу указанных препятствий положение дел исподволь приводило лингвистику и литературоведение к уходу от решения проблем их прямого ведения, компетенции и ответственности то в области прямого ведения, компетенции и ответственности других наук, то в области сформировавшихся и формирующихся мировоззрений, где эти филологические науки подчинялись действующей логике и тенденциям принимающих наук и текущих мировоззрений. В результате собственное содержание лингвистики и литературоведения либо растворялось в исследованиях и дискуссиях по самым общим направлениям гуманитаристики, либо фрагментировалось в аналитических поисках и конкретных практиках по формализации процессов и результатов вербального мышления.

Яркий пример второго варианта сбоя компетенций являет собой нарратология. Ранее мы высказывали свое убеждение в том, что интерпретация явлений поэтики в терминах нарратологии некорректна в силу свойственной нарратологии конвенциональности и сугубой приверженности нарратологии целям моделирования вербальных процессов, что с неизбежностью влечет за собой игнорирование нарратологией специфики художественного мышления вербального типа [17].

Ярчайшим примером другого варианта сбоя компетенций были и остаются толкования смыслов суверенного события того или иного произведения из художественного наследия Достоевского. Но даже и в этом варианте сбоя компетенций особое, если не сказать – выдающееся, место принадлежит мировоззренческим интерпретациям «Легенды о Великом Инквизиторе». В такого рода интерпретациях, как правило, далеко на задний план уходит тот, казалось бы, бесспорный факт, что «Легенда о Великом Инквизиторе» представляет собой один из фрагментов художественного целого, которое называется романом Достоевского «Братья Карамазовы». Впрочем, этот «задний план» дает о себе знать.

Так, одна из статей, увидевших свет в 2011 году, оказалась буквально и содержательно посвящена «*“Легенде о Великом Инквизиторе” в истолковании (выделено нами – Л. Т.) Вяч. Иванова (1938)*» [18]. «Уже при жизни автора — *Легенда о Великом инквизиторе*», – констатирует в самом начале публикации А. Б. Шишкин, – оторвавшись от романа «Братья Карамазовы», стала существовать собственной, независимой жизнью; различные поколения ее читателей усматривали в этой притче нечто сугубо *‘свое’*, зачастую

не признавая или игнорируя чужие истолкования» [Там же, с. 534]. В цитируемой статье заявлена попытка «реконструкции» доклада, прочитанного Вяч. Ивановым в 1938 году, и намерение «выделить некоторые тезисы и высказывания поэта, интересные тем, что они значительно отличаются от широко принятых суждений о —Генде»» [Там же, с. 537]. В частности, «неожиданный ход» «мысли» А. Б. Шишкин видит в высказывании Вяч. Иванова о том, что «Легенда о Великом Инквизиторе» «художественно и философски совершенна – как портрет Ивана Карамазова», как «клиническая запись» того, как «должен был думать и мечтать Иван» [Там же, с. 542].

Это «умозаключение» поэта, полагает А. Б. Шишкин, «открывает в архитектонике всего романа глубокую интерпретаторскую перспективу» [Там же]. В чем именно состоит эта открывающаяся перед интерпретатором перспектива, остается неясным, даже если принять во внимание реплику о том, например, что «поэму почти не интерпретировали с точки зрения... поэтики» [Там же, с. 543]. Эта реплика тотчас теряет в своем и без того контекстуально крайне малом весе, а бахтинская концепция полифонизма вскользь и косвенно упоминается в заключении цитируемой статьи в чуждом этой концепции сугубо мировоззренческом смысле, согласно которому «многоголосие —Легенды» Достоевского, отраженное в сотне зеркал ее интерпретаций, продолжает быть источником вопросов и недоумений...» [Там же].

Факт остается фактом: даже сделавшись всемирно известным и бесконечно цитируемым, выдающийся труд Бахтина в самой его сути был заблокирован косвенным неприятием этой сути в той или иной форме этого неприятия. Так, в условиях не только не ослабевающего, но даже нарастающего дефицита «отчетливого теоретического осознания» «художественной воли писателя» не только не ослабло, но даже усилилось постулирование духовного автобиографизма «Легенды о Великом Инквизиторе». Думается, причиной тому был и остается сам, по выражению А. Б. Шишкина, «парадоксальный дискурс о —неудаче исторического христианства»» [Там же], практикуемый субъектами имярек обычного вербального мышления по образу и подобию практики Ивана Федоровича Карамазова. Напротив, в отличие от Вяч. Иванова или Ивана Карамазова, практикующих каждый свою личную версию «парадоксального дискурса о —неудаче исторического христианства»», Достоевский как субъект художественного мышления вербального типа, создавший роман «Братья Карамазовы», по определению не мог участвовать в такого рода практиках. Иными словами, в данном случае причастность или непричастность к «парадоксальному дискурсу о —неудаче исторического христианства»» лично Федора Михайловича Достоевского не имеет какого-либо значения.

Статья «—Легенда о Великом Инквизиторе» в истолковании Вяч. Иванова (1938)», в которой понятие «дискурс» употребляется как само собой разумеющееся, опубликована в сборнике, который носит название «Культурный палимпсест». Это соседство под одной обложкой широко востребованных и вполне неопределенных понятий дискурса и палимпсеста с интерпретируемой интерпретацией «Легенды о Великом Инквизиторе» Достоевского является глубоко содержательным и требует развернутой экспликации, что соответствует проблематике данной статьи.

Начнем с того, что сборник «Культурный палимпсест», согласно аннотации издания, посвящен В. Е. Багно, «одному из крупнейших российских испанистов и специалистов по сравнительному литературоведению, известному переводчику», и включает в себя статьи «российских и зарубежных исследователей», которые «рассматривают широкий круг проблем, связанных с изучением русско-европейских культурных контактов, теории и истории перевода» [10, с. 2]. Название сборника образно указывает на своего рода филологическую точку начала координат в культурной истории человечества, возникшую в эпоху пергамента, кожи и папируса. Что касается посвящения и содержания сборника, то в них эта филологическая точка начала координат, опять-таки образно говоря, стирается позднейшими записями культурной истории человечества. Описание того, как это происходит, мы нашли в рецензии Кирилла Кобрин на книгу профессора Чикагского университета А. Томаса «Пражский палимпсест: Письмо, память и город». Рецензия называется «Опыт медленного чтения академического палимпсеста».

«На с. 8 книги —Пражский палимпсест: Письмо, память и город» ее автор, – читаем мы в самом начале рецензии, – ... сравнивает Вышеградское кладбище в Праге с Волковским в Петербурге... Поводом для этого сопоставления стал перенос в 1939 г. в Славин (*мемориальный комплекс на Вышеградском кладбище, сравниваемый А. Томасом с “Литераторскими мостками” на Волковском кладбище в Петербурге – Л. Т.*) праха выдающегося чешского поэта-романтика Карела Гинекса Махи» [8]. «Славин (как и все Вышеградское кладбище, как и весь Вышеград), – продолжает рецензент, – попытка создать пантеон героев небольшого народа, партикулярный жест национальной независимости, отделяющий чехов от универсализма чужих империй – Австро-Венгерской ли, Третьего ли рейха» [Там же]. «Вся история Праги» видится автору рецензии «в череде такого рода жестов: отказа... размежевания, собирания (и изобретения) —своего», постепенно вытеснения —чужого»... а в последние два десятилетия – успешного использования этого —чужого» в прагматических целях» [Там же].

«Альфред Томас, – говорится следом, – попытался написать книгу о Праге как о месте постоянно переписываемых текстов, используя в качестве метафоры —палимпсест»» [Там же]. Рецензент был бы готов согласиться с Томасом в том «широком смысле», что «даже архитектурно Прага есть палимпсест; готический город стерт, чтобы дать место ренессансному, ренессансный стоит рядом с барочным, бидермайер – возле модерна и конструктивизма, советская застройка перемежается домами времен постсоциалистической Чехии» [Там же]. Рецензент также был бы готов «смело рекомендовать» книгу А. Томаса «тем, кто только

собирается приступить к изучению малоизвестных (для англоязычного и русского читателя) центрально-европейских историко-литературных сюжетов». Рецензент был бы готов «согласиться», «рекомендовать», если бы не сама суть полученного «опыта медленного чтения академического палимпсеста», каковая состоит в том, что «книга Альфреда Томаса» является «наглядным примером нынешнего кризиса в той области знания, которую раньше называли «филологией» и «историей литературы»» [Там же].

Как бы то ни было, понятие палимпсеста в его метафорическом значении оказалось почему-то и зачем-то востребовано современной гуманитаристикой. Свидетельство тому не только приведенное здесь знаковое название сборника Пушкинского Дома или алгоритм исследования профессором Чикагского университета текстов, посвященных Праге, но и одушевленный в исследователях и критиках поиск понятием палимпсеста своего места в научном обороте, что определенно дает о себе знать в процитированной выше рецензии. О том же могут свидетельствовать диссертационные исследования, призванные отвечать на наиболее актуальные научные проблемы своего времени, и в этом смысле нам представляется показательным, что на запрос о палимпсесте интернет-поисковик выдал нам топовую ссылку на автореферат диссертации 2012 года по теме «Палимпсест в музыке Паскаля Дюсапена».

«Выбор ракурса исследования – палимпсест в музыке Паскаля Дюсапена, – пишет автор диссертационного исследования О. В. Гарбуз, – продиктован тем, что предлагаемый термин раскрывает одновременно как аутентичную природу творчества композитора, так и тенденции современной ему эпохи» [3]. Эту тенденцию диссертант видит в том, что «своеобразным символом... эпохи» «становится палимпсест». Далее следует ожидаемая ссылка на «первое широкое обоснование метафоры палимпсеста», которое «произошло в исследовании Жерара Женетта «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982)» [Там же].

Ж. Женетт представляет нарратологический вектор эволюции структурализма, отсюда – своего рода оксюморон «литература во второй степени». При этом Женетт, как справедливо полагает О. В. Гарбуз, имеет в виду «всю область современной ему литературы», которая «переживает состояние исчерпанности и способна лишь интерпретировать модель, представленную» в романе «Вьюисках утраченного времени», то есть модель палимпсеста, «в качестве слоев которого в произведении Пруста выступают различные стилевые аллюзии» [Там же]. Так мы вновь оказываемся перед фактом отождествления обычного вербального мышления и художественного мышления вербального типа, которое к тому же (опять-таки метафорически) распространяется на иные области художественного творчества.

Филология, увлекая за собой иные области гуманитаристики, фактически переживает состояния дрейфа, оказываясь в том числе в пространствах логики, согласно которой художественная воля «вообще и в творчестве Достоевского в частности» представляется в буквально смысле волевым актом подчинения художественного произведения «авторскому замыслу» [1, с. 19]. На пространствах такой логики возникают достаточно спорные мысли о том, например, что «для понимания теоретических и эстетических аспектов творчества Паскаля Дюсапена огромную важность представляют его собственные тексты» (имеется в виду «курс лекций композитора о собственном творчестве, прочитанный в Коллеж де Франс», и «масса источников пояснительного характера, в которых Паскаль Дюсапен комментирует замысел того или иного сочинения» – Л. Т.) [3]. Более того, дрейф в сторону от «отчетливого теоретического осознания» собственно «художественной воли» субъекта имярек приводит порой к зеркальному восприятию места художника, с одной стороны, и места исследователя либо критика, с другой стороны, в результате чего возникают мнимые послы о том, например, что «писатели-постмодернисты используют актуальные литературоведческие техники, на основе которых создают свои произведения», а «филологические и литературоведческие исследования второй половины XX века в значительной степени определили характер современной литературы» [12].

Как о том уже говорилось выше, Жерар Женетт, с подачи которого в 1980-х годах метафора палимпсеста вошла в активный исследовательский оборот, еще ранее связал филологическое содержание этой метафоры с именем и опусом Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Свою статью «Пруст-палимпсест» Ж. Женетт завершил словами «...все творчество Пруста есть палимпсест...», сопроводив этот вывод сноской, где сделал оговорку следующего содержания: «Образ палимпсеста возникает у Пруста по крайней мере дважды... но в очень невыигрышных ситуациях. Зато этот образ выражен с очень большой силой – и очень в прустовском духе – в одном из пассажей «Искусственного рая» [Ш. Бодлера], переведенном из «*Spiria de Profundis*» [Т. де Квинси]». В подтверждение следует цитата: «Что такое человеческий мозг, если не бескрайний и естественный палимпсест? Мой мозг – палимпсест, и ваш, читатель, тоже. Бесчисленные слои мыслей, чувств отложились в вашем мозгу один за другим, мягко, как свет. Казалось, что каждый следующий слой погребал под собой предыдущий. На самом деле ни один из них не погиб... Палимпсест памяти нерушим» [5, с. 102].

Позже истовое стремление Ж. Женетта к осмыслению феномена Пруста найдет свое выражение в работе под названием «Повествовательный дискурс». «Специфический объект настоящего исследования – это повествование в книге Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»» [4, с. 61], – говорится в первых же строках «Повествовательного дискурса». «Указанное ограничение объекта», уведомляет ученый, «относится к определению корпуса исследуемых текстов» [Там же]. Здесь полагаем необходимым особо подчеркнуть, что, хотя вместо понятия палимпсеста в своей новой работе Жерар Женетт опирается на понятия «дискурс» и «текст», никаких пояснений по поводу смены позиций или соотношения понятий «дискурс» и «текст» он

не дает. При этом в заявленном ученым намерении исследовать указанный «специфический объект» средствами «теории повествования, или НАРРАТОЛОГИИ» [Там же, с. 62] просматривается некая потребность в обуздании тех реалий, которые скрыты метафорой палимпсеста.

Попытку обуздания «*suspiria de profundis*» средствами нарратологии автор «Повествовательного дискурса» предпринимает на базе дискурса в том его понимании, которое существовало в 60-70-е годы, когда «дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов» [7, с. 8]. Понятие дискурса тогда еще не утратило своих прямых связей с французской грамматикой (*discours* – речь, *discours direct* – прямая речь, *discours indirect* – косвенная речь), но ему уже предстояло в процессе институализации в качестве англоязычной универсалии *discourse* (дискурс – в русской транскрипции) выйти за пределы субъективности родного языка. За пределами субъективности родного ему языка дискурс будет позиционироваться как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Там же]. В итоге о дискурсе будет авторитетно сказано следующее: «Лингвистически говоря, дискурс – это связанная последовательность письменных предложений или устных высказываний, выраженных в определенной коммуникативной ситуации с целью передачи информации или выполнения других социальных действий» [6].

Будучи носителем французского языка и находясь на рубеже 60-70-х годов, Ж. Женетт еще не обременен проблемами дефиниции дискурса как англоязычной универсалии. Он решает «некоторые проблемы нарратологии» [4, с. 63] на материале опуса М. Пруста. Понятие дискурса для него при этом остается очевидным, является некоторым вербальным означающим некоторого реального или ирреального означаемого и имеет для предприняемого исследования техническое значение.

В то же время во «Введении» «Повествовательного дискурса» Ж. Женетт акцентирует внимание на особом качестве «вымышленных повествовательных текстов», к которым относится повествование «В поисках утраченного времени». «...Никакой внешний документ, – сказано во «Введении», – и, в частности, никакая, даже достаточно полная биография Марселя Пруста... не могли бы пролить свет ни на... события (имеются в виду события, «о которых рассказано в повествовании “В поисках утраченного времени”» – Л. Т.), ни на соответствующий повествовательный акт, поскольку эти события и этот акт являются вымышленными и выдвигают на передний план не Марселя Пруста, а героя и условного повествователя его романа» [Там же, с. 66]. То есть, по сути, к числу «некоторых проблем нарратологии» косвенным образом отнесена проблема гетерогенной субъектности вербального мышления в произведении художественной литературы. С этой точки зрения наиболее показательным в «Повествовательном дискурсе» представляется содержание заключительного раздела с одним из его подразделов. Раздел получил название «Залог», подраздел называется «Лицо».

«Известно, что лингвистика не сразу приступила к теоретическому описанию того, что Бенвенист назвал СУБЪЕКТИВНОСТЬЮ В ЯЗЫКЕ... не сразу перешла от анализа высказываний к анализу отношений между этими высказываниями и их производящей инстанцией... Представляется, что поэтика испытывает похожее затруднение, пытаясь подступить к производящей инстанции... Это затруднение проявляется особенно в том, что поэтика как бы не решается – вероятно, бессознательно – признать и соблюдать самостоятельность и даже просто специфичность этой инстанции», – говорится в разделе «Залог» «Повествовательного дискурса» [Там же, с. 226]. Ж. Женетт при этом имеет в виду художественные тексты разных эпох, начиная с античности, и постулирует «неизбежное» при нарративном анализе «насилие над текстом», когда исследователь вынужден предварительно распределить «элементы определения, реально функционирующие одновременно», «по категориям». В числе трех таких категорий называется категория «лица» [Там же, с. 227].

В подразделе «Лицо» речь идет о тех или иных вариантах «нарративного решения» в том или ином ответствии этого решения «требованиям и ИНСТАНЦИЯМ дискурса» [Там же, с. 259] в тех или иных художественных текстах. Автор «Повествовательного дискурса» полагает, что если в целом «различать... два типа повествования: одно – с повествователем, отсутствующим в рассказываемой им истории (примеры: Гомер в «Илиаде» или Флобер в «Воспитании чувств»), другое – с повествователем, присутствующим в качестве персонажа в рассказываемой им истории (примеры: «Жиль Блас» или «Розовой перевал»)), то исходя из этого различия и на основе его примеров нельзя не сделать вывод об «асимметричном статусе этих двух типов», а именно о том, что «отсутствие носит абсолютный характер, а присутствие имеет разные степени» [Там же, с. 254]. «Современный роман», по мысли Ж. Женетта, «смело устанавливает между повествователем и персонажем (персонажами) переменное или неустойчивое отношение – местименное головокружение, подчиненное более свободной логике и более сложному понятию «личности»» [Там же, с. 255]. «Фантастика Борхеса, символичная в этом отношении для всей современной литературы, – говорится далее, – не ВЗИРАЕТ НА ЛИЦА» [Там же, с. 256].

Обратившись в конце подраздела к опусу Пруста как центральному объекту исследования, ученый совершил над текстом опуса то насилие, о неизбежности которого при нарративном анализе сказал во вступительной части ко всему разделу. В результате подраздел завершился следующей характеристикой прустовского варианта нарративного решения по категории лица: «...возникает... парадоксальная... ситуация с нарративом «от первого лица», носящей при этом подчас всеведущий характер. Здесь... «Писки» посягают на наиболее прочные условности романной нарративации, взламывая не только ее традиционные «формы», но и... саму логику ее дискурса» [Там же, с. 261].

«...Если «Ноиски утраченного времени» ощущаются всеми как «уже не совсем роман», как такое произведение, которое, на своем уровне, закрывает историю жанра (жанров) и открывает, наряду с некоторыми другими, беспредельное и как бы неопределенное пространство современной ЛИТЕРАТУРЫ, они обязаны этим... вторжению... дискурса в повествование», – читаем мы несколько ниже в «Повествовательном дискурсе» Жерара Женетта [Там же, с. 267]. Последствия «насилия над текстом» не могли не дать о себе знать: «повествование» и «дискурс» предстали неясными понятиями с неясной природой взаимоотношений. Попытка обуздать «*suspiria de profundis*» не достигла своей цели. Жерар Женетт по-своему искал этому объяснение в «Послесловии» к «Повествовательному дискурсу», а к началу 80-х годов вернулся к метафоре палимпсеста в книге «*Palimpsestes. La Littérature au second degré*» [20] («Палимпсесты. Литература во второй степени»).

На этот раз прустовское «В поисках утраченного времени» исследователь интерпретирует в категориях транстекстуальности, полагая, что опус Пруста именно в этом качестве обозначил собой некий фундаментальный перелом в истории поэтики. Под транстекстуальностью понимается «все то, что связывает некий текст, явно или тайно, с неким другим текстом» (*по-французски: «tout ce qui met un texte en relation, manifeste ou secrète, avec un autre texte»* [ibidem, p. 7]; *перевод на русский язык наш – Л. Т.*). Предполагается, что всякий литературный текст является гипертекстом, то есть производным предшествовавшего (-их) ему текста (-ов), и что, соответственно, между текстами существуют гипертекстуальные отношения определяемого содержания и объема.

Как известно, автором термина «гипертекст», пополнившего словарь науки в первой половине 1960-х годов, является пионер в области информационных технологий Теодор Холм Нельсон, а двумя десятилетиями ранее, в 1945 году, увидела свет превосходящая идею гипертекста статья «*As We May Think*» («Как мы можем мыслить»), автором которой был теоретик и разработчик аналоговых вычислительных машин Вэнивар Буш. Основной смысл статьи Вэнивара Буша состоял в том, что наступило время, когда человеческое мышление в силу ограниченных возможностей его памяти критически не справляется с функциями непрерывного хранения и своевременной обработки накопленных и образующихся данных и, соответственно, нуждается в компенсации этих ограничений с помощью специальных механизмов, не зависящих от этих ограничений и предназначенных именно для хранения и обработки данных в том режиме, который Теодор Холм Нельсон позднее назовет гипертекстовым.

«*The human mind, – писал Вэнивар Буш, – ... operates by association... Man cannot hope fully to duplicate this mental process artificially, but he certainly ought to be able to learn from it*» [19] («Человеческое мышление... ассоциативно... Воспроизвести этот ментальный процесс искусственным образом вряд ли возможно, но постараться извлечь из него знания о нем безусловно следует») (*перевод с английского наш – Л. Т.*). То есть изначально идея гипертекста имела отношение исключительно к так называемому искусственному интеллекту и не распространялась на человеческое мышление как таковое. Так что пафос приведенной Жераром Женеттом бодлеровской цитаты из «*Suspiria de Profundis*» Томаса де Квинси лишний раз нашел свое подтверждение в концепции гипертекста Нельсона – Буша в части фундаментального различия между естественным и искусственным интеллектом.

Если искусственный интеллект исключает прямую субъектность и субъективность мышления, то естественное человеческое мышление вне прямой субъектности и субъективности попросту невозможно, а в его основе лежат сложнейшие и противоречивейшие субъектно-объектные отношения. Концепцию гипертекста и метафору палимпсеста при этом объединяет посыл метасубъектности, посыл изоляции текста от субъекта мышления, создающего текст. В первом случае посыл метасубъектности заявлен в качестве обязательного системного условия, соотносен с принципиально безличной категорией текста. Что касается метафоры палимпсеста, то здесь посыл метасубъектности носит невольный характер, не предполагает системного режима по умолчанию и состоит в переходе центра внимания с контекстуальных отношений на гипертекстуальные, к участию в которых призваны не субъекты мышления, а порождающие функции человеческого мозга.

Заметим: в концепции гипертекста и метафоре палимпсеста, равно как и в исследованиях, придерживающихся аналогичных позиций, в качестве само собой разумеющегося и очевидного используется то, что называется текстом. Однако трудно не согласиться с тем, что «ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕКСТА, КОТОРОЕ МОЖНО БЫЛО БЫ СЧИТАТЬ ИСЧЕРПЫВАЮЩИМ И КОТОРОЕ НОСИЛО БЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР, ЕЩЕ НЕ ВЫРАБОТАНО (*выделено авторами цитируемой статьи – Л. Т.*)» [9]. Сложно опровергнуть также и то, что по своему происхождению «текст» остается, прежде всего, филологическим понятием (отсюда – востребованность метафоры палимпсеста). Между тем над филологией довлеет постигшее ее размежевание между лингвистикой и литературоведением, как если бы произведения художественной литературы не создавались на том или ином языке и, соответственно, не являлись референтным материалом для лингвистики. Лингвистика по возможности игнорирует литературоведение. Литературоведение, в свою очередь, по возможности игнорирует лингвистику. Своего рода жертвами этого разлада стали оказавшиеся изолированными друг от друга понятия, даже на самый поверхностный взгляд обозначающие собой взаимосвязанные реалии вербального мышления.

Парадоксально, но факт: дефиниции текста нет, но существуют теории текста; дефиниции дискурса нет, но существуют теории дискурса; вопрос, как соотносятся между собой текст и дискурс, как бы даже и не стоит. По нашему глубокому убеждению, проблемы понятийного аппарата филологии можно решать только на основе аксиомы субъектности и, соответственно, субъективности вербального мышления. Открытие этого феномена легло в основу глобального культурного поворота рубежа XVIII-XIX веков с его ярко

выраженной, беспрецедентной гуманитарной направленностью. Во второй половине XX века этот вектор стал заметно уходить из поля зрения лингвистики и литературоведения, как если бы механизмы для хранения и обработки данных становились важнее человеческого мышления, а поэтика превращалась в синоним «нарратологического решения».

Имея в виду общеизвестные сложности с понятийным аппаратом филологии, мы взяли за правило на основе анализа репрезентативных источников стремиться к подтверждаемой соответствующей аргументацией определенности тех понятий, которые находятся в активном научном обороте, но не имеют общепризнанных дефиниций. В результате начиная с 1998 года [14¹; 15] у нас сложился комплекс авторских взаимосвязанных определений. Логика этого комплекса нашла свое объяснение в статье «Романы Достоевского – Преступление и наказание», –Идиот», –Братья Карамазовы»: проблемы и опыт филологического анализа», опубликованной в 2013 году [16]. Далее в статье «Драма Метерлинка, эпос Пруста и лирика Цветаевой относительно поэтики классического романа Достоевского» (2014 год) наши определения к соответствующим понятиям были представлены в режиме перечня по смыслу.

Ниже в качестве базы для выводов по проблематике данной статьи мы цитируем шесть определений из этого перечня:

1) «**Язык (language)** – инвариантная способность к вербальному мышлению на основе того или иного варианта двойного членения²»;

2) «**Речь (speech)** – всякая данная манифестация указанной способности во всяком данном акте вербального мышления и при всяких данных обстоятельствах говорения-понимания»;

3) «**Дискурс (discourse)** – всякое возникающее вербальное, пара- и экстравербальное поле (по аналогии с магнитным, информационным), носителем которого является всякий говорящий-понимающий во всякий данный момент говорения-понимания»;

4) «**Корреляция “язык – речь – дискурс” (“language – speech – discourse” correlation)** – единственно возможный канал реализации акта вербального мышления»;

5) «**Филологический статус вербального мышления** – 1) язык (language) является *условием*, речь (speech) – *формой существования*, дискурс (discourse) – *содержанием* вербального мышления; 2) смыслы и формы *рождаются* в дискурсе (discourse), в речи (speech) и языке (language) они *фиксируются и соотносятся*; 3) вербальное мышление *субъектно и потому субъективно*»;

6) «**Поэтика** – дискурсы (discourses) субъектов имярек художественного мышления вербального типа в их данности и взаимодействии» [13, с. 160-161].

Соответственно, наши ответы на вопросы, сформулированные в названии данной статьи, заключаются в следующем:

1) метафора палимпсеста по сути своей синонимична дискурсу;

2) мировоззренческая интерпретация «Легенды о Великом Инквизиторе» имеет такое же право на существование, как и филологический анализ романа «Братья Карамазовы», но это совершенно разные области исследования, из чего вовсе не следует их несовместимость, но, безусловно, следует их суверенность;

3) автором «Легенды о Великом Инквизиторе» является Иван Федорович Карамазов, субъект имярек обычного вербального мышления в суверенном событии романа «Братья Карамазовы», носитель имярек уникального в своем роде дискурса;

4) роман «Братья Карамазовы» является художественным произведением вербального типа, которое создано уникальным в своем роде субъектом имярек художественного мышления вербального типа, и в этом своем качестве принадлежит мировому художественному дискурсу, о чем свидетельствует то, что называется аллюзиями, гипертекстовыми отношениями;

5) Достоевский как автор романа «Братья Карамазовы» является уникальным в своем роде субъектом имярек художественного мышления вербального типа, носителем имярек уникального в своем роде художественного дискурса;

6) Достоевский, как в норме любой другой человек, является в то же время уникальным в своем роде субъектом имярек обычного вербального мышления, носителем имярек уникального в своем роде дискурса;

7) в норме каждый человек является уникальным в своем роде субъектом имярек обычного вербального мышления, носителем имярек уникального в своем роде дискурса, но это не значит, что тот же самый человек является в то же время уникальным в своем роде субъектом имярек художественного мышления вербального типа, носителем имярек уникального в своем роде художественного дискурса;

8) если процесс вербального мышления осуществляется по каналам корреляций «язык – речь – дискурс» (–language – speech – discourse” correlations), то результат вербального мышления объективируется в тексте в той мере, в какой он поддается объективации, что не отменяет субъектного происхождения этого результата;

9) субъектность и субъективность для текста, соответственно, неотвратимы, и именно поэтому оказался возможным посыл метасубъектности, посыл изоляции текста от субъекта мышления, обслуживающий базовые потребности так называемого искусственного интеллекта.

¹ В указанной публикации имеют место произвольные купюры с полной или частичной утратой логики авторского изложения.

² Согласно Андре Мартине, единицами первого уровня членения являются минимально значимые звуковые сегменты, возникшие на основе присущего этносу способа группировки данных опыта, а единицы второго уровня – это членораздельные звуки, каждый из которых обладает свойством различать слова [11].

Список литературы

1. **Азаренко Н. А.** Метафорические средства сакрализации пространственных координат в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37). Ч. 1. С. 19-21.
2. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
3. **Гарбуз О. В.** Палимпсест в музыке Паскаля Дюсапена [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. М., 2012. URL: <http://cheloveknauka.com/palimpsest-v-muzyke-paskalya-dyusapena> (дата обращения: 24.05.2014).
4. **Женетт Ж.** Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2-х т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60-282.
5. **Женетт Ж.** Пруст-палимпсест // Женетт Ж. Фигуры: в 2-х т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 79-102.
6. **Интервью Тена ван Дейка журналу «Современный дискурс-анализ»** [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. 2013. Вып. 9. URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada9/st61.shtml> (дата обращения: 03.06.2014).
7. **Караулов Ю. Н., Петров В. В.** От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 5-11.
8. **Кобрин К.** Опыт медленного чтения академического палимпсеста [Электронный ресурс]: рец. на кн.: Thomas A. Prague Palimpsest: Writing, Memory, and the City. Chicago: L. 2010 // Независимый филологический журнал. 2013. № 119. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/k34.html> (дата обращения: 17.05.2014).
9. **Кожанов А. А., Россихина Г. Н.** Лингвистическое понятие текста [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 1. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/20.html> (дата обращения: 15.06.2014).
10. **Культурный палимпсест:** сб. статей к 60-летию В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2011. 599 с.
11. **Мартине А.** Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. Вып. 3. С. 366-566.
12. **Рынденко О.** К проблеме концепции текста музыкального произведения в фортепианном творчестве Оливье Мессиана [Электронный ресурс]. URL: <http://glierinstitute.org/ukr/digests/038/20.pdf> (дата обращения: 29.05.2014).
13. **Торопова Л. А.** Драма Метерлинка, эпос Пруста и лирика Цветаевой относительно поэтики классического романа Достоевского // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (83). С. 160-169.
14. **Торопова Л. А.** «Не то» как категория поэтики Достоевского // Вопросы онтологической поэтики. Потаённая литература. Исследования и материалы. Иваново: ИВГУ, 1998. С. 57-63.
15. **Торопова Л. А.** «Не то» как категория поэтики Достоевского [Электронный ресурс] // Ф. М. Достоевский: сборник статей. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/105.htm (дата обращения: 15.05.2014).
16. **Торопова Л. А.** Романы Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы»: проблемы и опыт филологического анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26). Ч. 1. С. 163-174.
17. **Торопова Л. А.** Based on Dostoevsky_s Pentateuch: What Is «Syuzhet» and What Is «Discourse»? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29). Ч. 2. С. 180-187.
18. **Шишкин А. Б.** «Легенда о Великом Инквизиторе» в истолковании Вяч. Иванова (1938) // Культурный палимпсест: сб. статей. СПб.: Наука, 2011. С. 534-543.
19. **Bush V.** As We May Think [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cs.ucla.edu/classes/cs217/bush-1945.pdf> (дата обращения: 13.06.2014).
20. **Genette G.** Palimpsestes. La litterature au second degre. Paris: Seuil, 1982. 472 p.

**ON THE ISSUES OF "THEORETICAL REALIZATION" OF "ARTISTIC WILL" OF DOSTOYEVSKY
AND PROUST OR WHO IS THE AUTHOR OF THE "LEGEND ABOUT THE GRAND INQUISITOR"
AND HOW THE ANSWER TO THIS QUESTION IS CONNECTED WITH A PALIMPSEST**

Toropova Lyudmila Aleksandrovna
The Kostroma Region
l.a.toropova@mail.ru

In the article the generic difference of research of poetics from world-outlook and general humanities interpretations of works of fiction is postulated, the examples in confirmation of this postulate are cited and analyzed, the symptoms of disunity of literary criticism and linguistics and the signs of their involvement in the service of the needs of an artificial intelligence are identified, the correlation of the widely scientifically used notions "discourse", "palimpsest", "text" is considered, the basics for the mentioned problems solution are suggested.

Key words and phrases: poetics; world-outlook and general humanities interpretations of works of fiction; metaphor of palimpsest and discourse; human thinking and artificial intelligence; subject of verbal thinking and its discourse; subject of literary thinking of a verbal type and its discourse; discourse, literary discourse and text.